

Юрий Горюнов

Шоу
уходящих
теней

18+

Юрий Горюнов

Шоу уходящих теней

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Горюнов Ю.

Шоу уходящих теней / Ю. Горюнов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Семен Ковалев – клоун-эксцентрик с мировым именем. Он дарит людям праздник, хотя сам несет в себе душевную травму, не давая ей выплеснуться наружу. Личная трагедия не ломает его. Он упорно работает и достигает славы, но в душе живет с болью потери любимого человека. Он вернулся после нескольких лет отсутствия в стране, чтобы в итоге узнать, почему любимая девушка принесла в жертву их любовь, и чтобы понять о своей любви к другой женщине.

© Горюнов Ю., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Шоу Уходящих Теней

Понять. Простить.
Обиды в сердце не пустить
Узнать. Принять.
Что сердце будет тебя ждать
Мечтать. Любить.
Тобою вечно дорожить.
Молчать. Кричать.
И не сдаваясь жить.

Любовь помнится всегда, но не всегда она возвращается. Надо помнить, что жизнь продолжается и стоит ли копаться в себе, обнажая свои страдания? Отпустите их, им с вами не по пути.

Жизнь, при всех ее сложностях удивительна, и надо уметь найти в ней себя, не боясь идти вперед, не боясь ошибаться. Не надо бояться задавать себе вопросы и самому на них отвечать, а не ждать помощи от других. Нужно научиться признавать свои неудачи, свою вину и, набравшись смелости, попросить прощения. В сложных ситуациях решить, что лучше? Журавль в небе или синица в руках. Но сейчас и здесь.

Нужно в жизни дорожить дружбой, не предавая ее, делиться радостями и удачами, а боль близких людей принять на себя, чтобы им стало хоть чуть-чуть легче. Нужно научиться ценить жизнь и радоваться каждому мгновению, из которых она и состоит. Всегда ли в жизни все идет так, как нам хочется. Всегда ли встретившись, мы уверены, что наши чувства навсегда, и любовь будет сопровождать нас? Увы, нет, но в этом виноваты мы сами. Надо научиться видеть ее, и не биться за любовь, а защищать. В битве нет выигравших.

1

Манеж был освещен не в полную силу, да и не было в этом необходимости, шла репетиция. Несколько артистов отрабатывали номера, и тишину нарушали лишь отдельные реплики. Посередине манежа стояли мачты, а между ними была свободно висящая проволока, но она пока пустовала, ожидая, когда придет ее время.

Из-за кулис, на арену вышел мужчина, на вид лет за тридцать, коротко стриженные волосы, с ранней сединой на висках, ярко-синие глаза и добрая, приветливая улыбка на губах.

– Привет, всем, – поздоровался он.

– А что это ты в костюме? – поинтересовался жонглер Василий.

– Привыкаю, – на вошедшем были широкие брюки и рубашка желтого цвета в черный горох, в руках он нес саксофон, – парусность моих брюк такая, что как бы не сдуло от сквозняка, – пояснил он.

Вошедший был Семен – клоун, но не простой клоун, а достаточно известный, чье имя печаталось на афише крупными буквами. На эту арену он не выходил семь долгих лет, и вот недавно вернулся на родину, а до этого работал за границей, гастролировал во многих странах. Приехав он начал готовиться к выступлению, и сейчас репетировал свой старый номер. Номер в его багаже было достаточно, но этот был, как визитная карточка. С этого номера к нему пришла известность, и он начал свою сольную карьеру.

Семен ловко забрался по мачте на мостик и встал перед проволокой в задумчивости. О чем он думал, знал только он. То ли настраивался, то ли иные мысли кружили в голове. Высота между провисающей проволокой и манежем была не менее четырех метров. Семена это не смущало, он привык к высоте. Не сразу, но привык, когда понял, что секрет заключался в том, чтобы просто отдаться падению, как делают каскадеры, а дальше подсознание даст

команду телу, что делать, поэтому и работал без лонжи. В свое время, он как бы потерял страх, по каким-то ему известным личным мотивам, и выступал на грани риска, словно играл со смертью. Да, и вообще, в те, прошлые годы, был остер на язык, за что его недолюбливало начальство, но мирилось, клоун он был от Бога. Была в нем некая безбашенность. Время несколько изменило его, но легкость в общении, доброта остались, а иногда проскакивали и свободолюбивые черты. Потом он уехал, и об истинной причине, и что была в его прошлом, знали не многие, друзья, которые были рады его возвращению.

Семен не относил себя к клоунам разговорного жанра, хотя и эти номера были в его арсенале. Он нашел себя в музыкальной эксцентрике, и его скорее можно было отнести к лирическим клоунам. Псевдонима у него не было, и его объявляли просто – «Клоун Семен». Лишь не многие знали, почему за глаза его называли ШУТ; он об этом знал, и это ему нравилось. Впервые он услышал свое прозвище еще в школе, так его назвала девушка, а потом начальство, за его язык, порой бросало ему вслед – Шут. Так и закрепилось.

Ступив на проволоку, Семен осторожно прошелся по ней, пробуя на соприкосновение. Дойдя до середины, немного раскачался, а потом заиграл на саксофоне, раздалась легкая, старая мелодия джаза. Играя, он продолжал раскачиваться, но постепенно уменьшал амплитуду, и вдруг, повинаясь какому-то порыву, подался вперед, проволока стала уходить в сторону, а он стал падать, рассчитывая зацепиться в последний момент носками ботинок за нее, но что-то пошло не так, зацепа не произошло, и он полетел на арену.

Все длилось секунды или доли секунды. Удар был сильный. Перед глазами у него блеснуло, а в голове словно разорвался снаряд, и его ударная волна устремилась наружу, пытаясь разорвать его череп. И только мысль, острая, как игла, и какая-то наивно-глупая, с легкой усмешкой, мелькнула в голове: – «Неужели все». Но она проскочила не задержавшись, чтобы не стать соучастницей падения. В миг все исчезло, сознание накрывалось гнущей, тяжелой темнотой, которая захватила. Семен потерял сознание.

Сколько времени он так лежал, ему было неизвестно, да и кто считает секунды, минуты, находясь без сознания. Когда он открыл глаза, то увидел склонившиеся над ним встревоженные лица коллег. Приглушенный свет, хоть и был слабым, но даже от этого бледного освещения Семен прищурился и улыбнулся. Улыбка была ободряющей для товарищей, чтобы показать, что с ним все в порядке. Осторожно пошевелил пальцами рук, затем чуть руками и ногами, и лишь потом, очень медленно повернул голову. Ничего не хрустнуло, не отдавало пронизывающей болью, хотя отголоски удара ощущались слабыми попытками отбитых мышц. Он хотел встать, но рука инспектора манежа, удержала его:

– Подожди, сначала доктор посмотрит. Мало ли что, не тебе объяснять.

Семен не стал возражать. Да, он знал, что любое движение может оказаться последним, так как, в шоковом состоянии можно и не почувствовать боли. Быстро раздвигая собравшихся, перед ним присел доктор – Виктор, которого все называли просто «Док». Он посмотрел в глаза, осторожно согнул и разогнул руки, ноги, поинтересовался:

– Где болит?

– Пока нигде.

– Именно пока. Давай осторожно подниматься, – и, поддерживая Семена, помог ему сесть.

– Ну, слава Богу, живой, – кто-то негромко произнес.

– Да, в нашем деле он точно не лишний, – поддержал другой.

– В порядке? – спросил инспектор манежа, Николай Алексеевич.

Семен чуть кивнул головой и начал подниматься. Сильные руки товарищей поддержали его, но была в этой поддержке легкость и сила, так что Семен не очень и чувствовал эти руки, а лишь понимал, что ему помогают.

– Голова кружиться? – спросил «Док».

– Кажется, нет.

– Кажется, – передразнил его «Док».

– На сегодня все. Доктор, ему куда? В больницу или домой? – спросил инспектор.

– Повреждений нет, если только легкое сотрясение. Можно домой, отлежаться, но завтра в поликлинику.

– Позовите Мишу, – сказал инспектор, – пусть отвезет его домой. Свою машину оставь здесь, успеешь еще.

– Я что? Так поеду? – спросил Семен.

– А давно ты стал таким стеснительным? Дома переоденешься.

Водитель Миша и Николай Алексеевич в сопровождении доктора проводили его до машины. Кто-то сбегал в гримерку и принес его одежду, аккуратно сложив все в сумку.

– Не гони, – предупредил Николай Алексеевич Мишу. – Проводишь до квартиры, сумку донеси.

– Я что, маленький, – обиделся Миша.

– Все вы здесь для меня маленькие. – Это была правда. Николай Алексеевич был ростом под два метра, широкоплеч и старше всех. До этой своей новой должности он был силовым атлетом. – Несколько дней побудь дома, – наставлял он Семена. – Если что будет болеть, звони, а завтра отвезем к врачу.

На улице, возле здания цирка, было оживленно и прохожие с любопытством смотрели на Семена, одетого в цирковой костюм и явно не для прогулок по городу. Семен, с присущей ему веселостью, улыбался этим случайно любопытствующим лицам, ловя на себе их взгляды, и осматрелся.

Мелкие лужицы поблескивали на асфальте, оставшиеся как воспоминание об утренней грозе. Тучи еще были видны на горизонте и изредка еще доносились раскаты грома. «Весенняя гроза» – подумал он. В машине Семен разместился на переднем сидении, рядом с водителем, и с интересом, как будто видел все впервые, смотрел на город, который любил. Сколько он ездил по миру, где только не бывал, а тянуло всегда в родной город. Здесь он отдыхал душой. Только когда боль прошлого притупилась, а затем уже ушла, оставив лишь память, он вернулся из далеких стран.

За рулем своей машины, он не видел, не замечал того, что видел сейчас: город красив и чист, умытый дождем. «Душа радуется, глядя на игру лучей солнца, отраженных в лужах, стеклах витрин и окнах домов».

Семен усмехнулся про себя. – «Душа! Сколько раз она падала в пятки, когда я срывался или видел падение других. При падении было ощущение, что вот сейчас, в этот миг жизнь навсегда покинет брненное тело, но в последний момент душа цеплялась за что-то, хотя за что там можно уцепиться в пятках? Но как бы там, ни было, возвращалась, и оставалась со мной, и я продолжал жить. Неизвестно, откуда взялось, что душа, покидая тело, летит по тоннелю к свету или идет среди других чужих душ, покинувших тела? Но если сейчас этого нет, и если есть душа у человека, то она еще точно со мной, раз я мыслю».

Единственное, что смущало Семена, во время поездки, то, что он видел все немного в легком тумане, мир стал каким-то размытым, не было четкости. «Наверное, с глазами что-то, давление. Было ли мне страшно от случившегося? Страшно всегда. Это молодые верят, что жизнь длинна и видимый страх, хоть и присутствует всегда рядом, но как-то не до него, некая самоуверенность гонит страх прочь. Я был таким же и не сильно боялся, а потом пришел опыт, и душа научилась не падать. Она словно знала, что придет время, и я увижу ее, хочется в это верить, потому и не сильно боялся сначала. С возрастом, познав жизнь, насколько судьба мне это позволила и, вкусив жизни, я сам начал цепляться за то, что дано, но это уже не было

жутким страхом, это была осторожность. И вот здесь страх и осторожность вступали в борьбу. Кто кого одолеет. Страх тебя или ты его. Если он, то все, можно уходить и работать внизу.

А что было сегодня? Почему упал? Сколько раз говорил себе, помни слова старого инспектора манежа Сан Сныча, что не надо ничего привносить личного в номер и предаваться воспоминаниям. Надо отбросить все мысли. Видимо, я не сумел сделать это сегодня, захватив в номер свою память, свои эмоции о той девушке», – размышлял он в пути.

Собственно, он никогда и не забывал прошлое, но давно не видел, ту, которая в нем жила, и четкость прошлого уж чуть померкла. Недавний мираж был в его памяти. Встреча была случайной. Он зашел в парк, и направился к скамейке, где они иногда сидели, но заметил, что она занята. На скамейке сидела красивая женщина и смотрела на пруд, в котором плавали утки. Она была так похожа на ту женщину из прошлого, что он сначала принял ее за ту, и не стал подходить, оробел и встал за дерево. Минут через пять, женщина поднялась и направилась в противоположную от него сторону, а он смотрел ей вслед. Как она была похожа, но это была не она. А телефонный разговор с ней? Куда он мог деть его из памяти. Надо бы радоваться, что она позвонила, но эта радость была для него с большим оттенком грусти, тогда он и почувствовал себя освобожденным от бремени прошлого, впервые за много лет. Впервые за эти годы, что он ее не видел, у него было спокойно на душе.

Как он ни старался, он не смог освободиться от мыслей и пришел с ними на репетицию. Скрывать свои эмоции, чувства, он научился, поэтому никто не догадался, что у него на душе. Все это и сыграло с ним злую шутку. Ему вдруг показалось, что в проходе, возле кулис, он увидел женскую фигуру, которую не перепутает ни с какой другой. «Света! Что она здесь делает»? – пронеслось в сознании, вместе с той глупой мыслью. И только в последний момент, он успел увидеть испуганное лицо, чужой, незнакомой ему женщины.

Сидя в машине с закрытыми глазами, он представил лицо Светы из далекого прошлого, которое с легким укором, смотрело на него, что он не хочет ее понять, хотя глаза кричали обратное. Да, он тогда не захотел спросить, видя отчаяние. Гордый был. Если бы знать, что будет, но, увы, никто план действий нам сверху не показывает. Вот это и сыграло с ним сегодня злую шутку. Имя шутки – воспоминания.

Машина замедлила ход и остановилась возле дома, где жил Семен, он открыл глаза, отвлекаясь от мыслей, и посмотрел за окно, где было светло и привычно. Выйдя из машины, они направились к подъезду, Миша захватил сумку. Семен хотел было возразить, но Миша категорически заявил:

– Нет, уж, я как положено.

Дети, что шли из школы, увидев человека в странной одежде, подбежали, и с радостью в глазах смотрели на Семена.

– Дядя, а вы всегда так ходите?

– Как видишь.

– И дома?

– Везде.

– А другую одежду не пробовали носить? – спросила девочка лет десяти с умным видом.

– Пробовал, – вздохнул Семен, – но в другой, я выгляжу смешно.

Дети засмеялись, а Семен, вместе с Мишей, вошел в подъезд. Они поднялись на пятый этаж и вошли в квартиру. Поставив сумку в коридоре, Миша пожелал: – Выздоровливайте, – и вышел.

Семен, не переодеваясь, прошел в комнату. Это был его дом, здесь он чувствовал уют и покой. Жил он один и это одиночество не тяготило его. Привык. Как-то не сложилось у него серьезные отношения с женщинами. Те делали попытки, но их женское чутье вовремя им подсказывало, что надо остановиться, потому, как между ними всегда будет еще одна, о которой они ничего не знают, а он никогда не расскажет, но, что она была, было это ясно. И потихоньку

исчезали из его жизни. На смену им, со временем, приходили другие, но все повторялось, за одним исключением.

Семен нашел прелести в одиночестве, когда оно посещало его, сложно было найти, но нашел: тишину, покой, возможность придумывать номера, зная, что никто не войдет и не задаст вопроса, отвлекая от только что появившейся мысли. Он давно знал, что мысль, если ее спугнуть, исчезает и на ее место придет только копия, но уже более блеклая и скучная, а истинная исчезает. Бывали исключения, но в основном исчезали. И поймать не поймаешь. Чуть отвлёкся и все – ищи ветра в поле. И только ее легкий смех еще мог раздаваться, что потерял и теперь она свободна, выбрать к кому прийти.

В углу дивана сидела игрушка клоуна, которую ему подарили еще детстве. На кукле были такие же штаны и рубашка, как и у него, смешные ботинки. Русые в желтизну тряпичные волосы растрепаны, на щеках веснушки, большой рот был вытянут в улыбке, чуть приплюснутый нос и ярко синие глаза под дугами бровей. Весь его вид вызывал улыбку радости. Семен взял клоуна, посмотрел в его глаза, которые были такими же, как у хозяина, почему его и подарили, и сказал:

– Ну, что Кузьма, чуть беда со мной не случилась. Да, брат, такие дела.

Кукла была амулетом, и он всегда возил ее с собой, лишь иногда меняя ему одежду, которая время от времени приходила в негодность. Не выпуская клоуна из рук, он достал потемневший фотоальбом, сел на диван, осторожно открыл, словно боялся, что его далекое прошлое, запечатленное в черно-белых и цветных фотографиях, вдруг исчезнет, освободившись или вдруг его там уже нет, и вместо них пустые пятна.

Посадив куклу рядом с собой, Семен увидел на первых фотографиях мальчишку, каким он был много лет назад, где было все ясно, кто друг, а кто враг, где черное, а где белое, и не было никаких оттенков в отношениях между людьми. Школьная фотография напомнила, откуда появилось прозвище ШУТ, что он услышал в презрительно насмешливой интонации.

Мысли о прошлом увлекли его, и это прошлое не замедлило появиться, очень яркое, зримое и казалось его можно потрогать рукой. Семен погрузился в воспоминания, словно единственное, что у него осталось – это воспоминания.

– Да, девчонки, скоро разлетимся кто куда. Когда сможем увидаться? Разве только кто-то со старым грузом войдет в новую жизнь, – говорила светловолосая девушка.

– Ты, о чем?

– Тань, вот ты с Семеном будешь встречаться после школы?

– Да, ты что!? Зачем он мне? Он же шут, – это прозвучало с усмешкой. – Он собирается в цирковое училище, и что? Мне встречаться с шутком? Не смейся. Он до сих пор в куклы играет.

– Какие куклы?

– Да у него дома кукла-клоун, он говорит, что это его амулет. Да, что о нем.

– А зачем встречаешься?

– Весело с ним, не глупый, симпатичный, но не для серьезных отношений. Я иногда не понимаю, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Видимо у артистов не все в порядке с головой, всегда играют.

Девушки постояли на школьном крыльце, и пошли внутрь. Семен, чуть подождав, вышел из-за колонны, где он оказался случайно, а не с целью подслушать. Не думал он, что Таня о нем такого мнения, он оказывается для нее шут. В ее интонации это звучало обидно. Это был первый удар в его жизни от человека, которому он доверял.

Семен действительно решил поступать в цирковое училище. Выбор был определен давно, хотя, родители, не одобряли, профессию артиста они считали ненадежной, но отчасти были сами в этом виноваты. Когда Семену исполнилось семь лет, они и подарили ему этого клоуна, где в шов была зашита бирочка «Кузьма». Со временем бирочка вытерлась, оторвалась, а имя

осталось. Семен уже тогда стал придумывать сценки с участием своего клоуна, а позже пошел в цирковую студию. К окончанию школы выбор был сделан. Что же касается Татьяны, то он начал с ней встречаться уже в выпускном классе. Она нравилась ему и, как водится, юность доверчива. Не знал он истинного отношения к нему.

Перебарывая, но, не осмысливая услышанное, он вошел в класс перед самым учителем и сел рядом с Таней.

– Привет, – улыбнулась она.

– Привет, – буркнул Семен.

– Ты что не в духе?

– Он отпустил меня на вольные хлеба. Как и тебя.

Татьяна хмыкнула и отвернулась. С того дня он больше ни разу не предложил ей пойти погулять. Семен пережил эту обиду, а вскоре начались экзамены и затем они попрощались со школой.

Их размолвка не осталась незамеченной. Друзья, а их было всего двое – Николай и Данила спросили:

– У вас что произошло?

– Решили начать новую жизнь. У нас разные взгляды на будущее.

– Поясни, – попросил Николай.

– Я слышал, как она назвала меня шутом. Я для нее шут, а потому не серьезный человек.

– А ты что собирался с ней жить всю жизнь? – удивился Данила.

– Нет, но и шутком в ее понимании быть не хочу. Шутком быть не просто.

– Тогда почему расстроился, если это правда?

– Важно, как это было сказано.

– Семен оставь эти мысли.

– Да я их и не брал, где услышал, там и лежат.

Он поступил в цирковое училище, и у него началась новая жизнь, и не такая уж безоблачная. Занятий был много, и как выяснилось, способностями он был не обделен, и вскоре стал одним из лучших студентов, которому прочат успех. Семен не задумывался об этом, он просто работал над собой, сам придумывал номера, учился играть на саксофоне. Но если есть, пусть маленькое признание, то рядом идет зависть и конкуренция, которые и проявились со стороны однокурсника Стаса. Внешне это не проявлялось, но Семен это чувствовал. Его друзья поступили в институты: Николай в радиотехнический, а Данила на юридический, но разные выбранные жизненные пути, не мешали их общению.

После училища Семен отслужил в армии и, вернувшись, начал работать в цирке. Вот тогда и началась его взрослая самостоятельная жизнь, в которой появилась Света.

2

Сегодня у него был выходной, и надо же так повезло, что даже в субботу. Да, такое бывает, не часто, к сожалению, бывает. Он работал в паре, подыгрывал, но как бы его сменщиком был еще один клоун, хотя были у него небольшие собственные номера, но это так мелочь. Семен не расстраивался, он сам выбрал себе такую жизнь, с призрачными выходными. Сегодня он договорился провести вечер с друзьями, которых знал со школы: Николай, как и Семен, был еще холост, а Данила, уже женат. Его жена Нина, зная их давнюю дружбу, отпускала мужа с ними, с единственным условием – соблюдать приличия.

Что она под этим подразумевала, Нина не говорила, вот Данила и мучился, относительно, конечно, где эти границы приличия. На девушек он смотрел, как и друзья, но, в отличие от своих холостых друзей, не знакомился.

В этот вечер Нина пошла с ними, и никто не возражал. Их было четверо и они, не торопясь шли по улице, разговаривали, смеялись собственным шуткам, которые им нравились,

иногда хулиганили, как сказали бы ранее. Молодость имеет много преимуществ и одно из них – расширенные границы поведения, расширение табу на, то, что можно, а что нельзя. Самый заводной был среди них Семен.

– Нина, надо полагать, что Данила не соблюдал правила приличия, если ты пошла с нами, – обратился он к ней, с хитрецей в глазах.

– Это контрольная проверка, – подыгрывая ему, был ее ответ.

– Кого?

– Всех вас. Я порой вижу, каким он приходит возбужденным, после ваших встреч.

– Нина, ты что? Мы натуралы, причем здесь наши встречи?

– Ты понял, о чем я.

– И что? Это так плохо? – и не дав ей ответить, хлопнув себя по лбу, выпалил: – Понял. У вас не совпадение волн страсти, он возбужден, а ты в это время сидишь на диване с книгой. Да, это вопрос. И ты решила исправить? Ребята, нас хоть и двое, но мы вряд ли сумеем вас удержать в общественном месте. Да и не будем. Так, Николай?

– Да, ну тебя, все опошил, – махнула рукой Нина. – Нет бы, что умное сказал, а то шуточки глупые, – но в ее голосе обиды не было.

– Нин, но будет, же ужасно скучно. Вот посмотри, – и Семен рукой провел вокруг, где шли люди: кто-то спешил, кто-то прогуливался, наслаждаясь погодой. – Посмотри на их лица. Да, некоторые выглядят счастливыми, но даже в них проскакивает скука. Люди самые интересные существа на Земле, и видимо самые скучные.

– А ты предлагаешь им идти и весело хохотать? – засмеялся Николай.

– Это было бы интересно и даже смешно, но глупо. Мир чудесный, а они скучают, не зная, чем себя занять.

– Терри Пратчетт сказал: – «В мире полно чудес, но нам удалось придумать скуку», – вздохнув, произнес Данила.

– Очень точно. А почему? Большинство зажато рамками общественных, никем не писанных правил, норм. Как думаешь, многие из них способны на добрые, спонтанные глупости? – обратился Семен к Нине.

– Это называется самоконтроль, – заявила Нина.

– Это называется скука.

– Лучше быть скучным, чем чокнутым, – парировала она.

– Эх, Нина, Нина. В каждом из нас живет безумец, но мы держим его запертым, боясь выпускать наружу. А если вдруг оказываемся в ситуации, когда нас никто не видит и уж тем более не сможет осуждать, мы становимся другими: мы поем, танцуем и делаем массу глупостей. Как мы любим петь в душе, под струями воды. Нет, в душе мы, порой, дикари.

– Пусть мой дикарь сидит тихо, – ответила Нина.

– Семен, – вступился за жену Данила. – А где твой дикарь?

– Там же, где и твой. В душе.

– Да он тебя занял уже всего. Теперь понятно, почему ты нарываешься на неприятности, в тебе живет скука, а дикарь руководит.

Друзья знали, что имел в виду Данила, но Нине, о том эпизоде они не рассказывали, иначе она сразу же прекратила бы все прогулки мужа.

В тот вечер они также прогуливались, втроем, смотрели на девушек, но, ни к кому не приставали, а душа просила размаха.

– Скучно, милые добрые лица – произнес Семен.

– Тебе работы не хватает? Или ты уже не видишь разницы, – поинтересовался Николай.

– Разницу вижу, но вот небольшой спектакль изобразим, – и направился к остановке общественного транспорта.

– Семен подожди, – окликнул его Николай, чувствуя, что друга захватил азарт, а это может привести к неприятностям, но было поздно, и оставалось стать зрителями.

Семен решил, что есть шутки, которые на манеже не работают, только в жизни. На манеже игра продуманная, там артисты профессионалы, но нет лучше артиста, чем простой человек, когда он считает, что делает полезное дело, не зная, что выглядит смешным.

Семен подошел к мужчине, что стоял рядом с остановкой. Возраст его определить было сложно, диапазон велик. Рубашка выпвела, как и потертая легкая куртка вместе с джинсами. Щетина на лице еще не превратила его в такой вид, от которого шарахаются. Он стоял и о чем-то размышлял, а не ждал транспорта. В общем, это был типичный представитель еще не до конца опустившегося человека, и мог еще сойти за пролетария.

– Мужик, заработать хочешь? – спросил Семен.

Тот хмуро посмотрел на него, но увидев доброжелательное лицо, ответил: – И что надо делать?

Семен наклонился к нему и что-то стал шептать на ухо. Лицо мужчины стало меняться, из хмурого оно стало светлеть, и даже появилось некое подобие улыбки.

– Ну, ты, парень, даешь!

– Да, даю. Так что?

– А то, самому интересно, вот повеселимся.

– Вот именно. Рассмеши народ, видишь, все стоят грустные. На лицах грусть осеннего дождливого неба.

– Уговор?

– Не обману, – и Семен отошел к друзьям.

– Что ты ему сказал? – спросил Данила.

– Наслаждайся, – небрежно бросил Семен.

В это время к остановке подошел троллейбус. Мужчина уже был в начале остановки, и когда передняя дверь открылась, он прошел мимо нее и направился с серьезным видом вдоль троллейбуса. Зайдя за троллейбус, он взялся за веревки, которые шли к дугам контактов, и потянул их. Контакт нарушился. Мужик посмотрел на остановку и вдруг крикнул:

– Эй, мужчина с портфелем. Ты, ты. В темном пиджаке. Подойди.

Стоявший на остановке мужчина, недоумевающий, подошел.

– На-ка поддержи, я сейчас реле переключу, – и всучил ему веревки. Тому ничего не оставалось делать, как взять их и держать. Лже-водитель с невозмутимым видом направился вдоль троллейбуса и, дойдя до передней двери, остановился.

Народ на остановке внимательно наблюдал, не понимая, что произошло, то же самое и водитель. Попытавшись тронуться, он понял бесполезность своей затеи. Вышел из троллейбуса и, пройдя мимо бомжеватого мужика, направился назад. Не всем удалось видеть его лицо, когда водитель остановился и с недоумением взирал на интеллигентного мужчину, державшего веревки дуг. Все, что он думал, высказать вслух не решился, его изумление было таким сильным, что выразить что-то цензурными словами, он был не в состоянии. Тут народ на остановке догадался, что произошло, и раздался гомерический хохот, в котором потонул вопрос водителя, что уже обрел дар речи:

– Ты что делаешь, гад?

– Держу.

– Я вижу, что держишь. Спрашивается, какого хрена? Ты лучше свои... в общем, причиндалы держи, а то я их сейчас оторву. Сегодня что, в сумасшедшем доме день открытых дверей? – наступал он на интеллигента. – А ну, дай сюда!

– Что? – испуганно спросил интеллигент.

– Мать твою, да зачем мне нужны твои... веревки давай, говорю, – и протянул руки. Мужчина с испугу, отпустил веревки, и дуги резко взмыли вверх. Народ на остановке, да и те,

кто был на задней площадке троллейбуса и видели все, что происходит, уже неистово хохотал. Кто-то уже вытирал слезы радости от смеха, что не часто бывает. Это был искренний задорный смех.

В это время мимо проезжала машина милиции, и притормозила, видя что-то не понятное; с чего бы народ на остановке так массово смеялся.

– Вот, парни, это и есть народный театр, – сказал Семен и сунул деньги Даниле. – Отдай тому клоуну, я обещал, а этого надо выручать, а то дадут пятнадцать суток, а он и так пострадал, – и Семен направился к вышедшим из машины милиционерам.

О чем там был разговор, не известно, но Семен что-то доказывал им и водителю, при этом выражение его лица было достаточно красноречивым в объяснениях. В итоге на лице водителя появилась улыбка, а милиционеры засмеялись. Конфликт был улажен. Водитель вернул контакты проводам, и троллейбус уехал, а на остановке еще продолжали вспоминать увиденное. Интеллигент не стал ждать троллейбуса и быстро удалился вдоль улицы.

– Деньги отдал? – спросил Семен, вернувшись к друзьям.

– Отдал. Да, разыграли его.

– Я же говорю народный театр. Посмотрите, какие у них сейчас лица, – кивнул он свидетелей, – домой придут, расскажут, а на работе?

– Вообще это хулиганство, – заметил Данила.

– Да, – согласился Семен, – но мелкое.

– Пятнадцать суток, – философски изрек Николай.

– Условно.

– Тебе надо писать сценарии.

– На арене это было бы не смешно, поверь мне, а здесь некое сумасшествие, сумасбродство.

– Знаешь, Семен, я думаю, что твое сумасбродство – это побег от себя, – серьезно сказал Данила.

– Возможно, ты прав, – не стал спорить Семен.

Вот об этой выходке они и умолчали, но вспомнив, улыбнулись.

– Это вы о чем? – с подозрением спросила Нина, услышав фразу о неприятностях.

– Не забивай себе голову, – сказал Семен. – Неприятности всегда поджидают, но надо уметь проходить мимо, делая вид, что не замечаешь их, а если семят рядом, тогда надо не дать им обойти тебя.

– Все, что мы делаем, – вступил Николай, – пытаемся правильно показать себя. Как мы выглядим со стороны. Хорошо это или плохо не знаю, но сейчас это не важно, пошли в кафе, пить хочется.

Они открыли дверь ближайшего кафе и едва переступили порог, как аромат кофе ударил им в нос с такой силой, что они замерли на пороге.

– Закрывай быстрее дверь, – пробормотал Семен Даниле, – не выветривай аромат божественного напитка.

Официантов в кафе не было, и Семен с Николаем у стойки взяли кофе, и мороженое для Нины.

– Или нельзя? – внимательно посмотрев на нее, спросил Семен, указывая на мороженое.

– Можно, я не сижу на диете.

– Да, какова игра слов. Кто-то сидит на стуле, диване и прочей мебели, а кто-то на диете.

– А ты представь, что это мебель, и все будет, значительно, проще.

Они продолжали болтать обо всем, и ни о чем. Прошло не менее получаса, когда Семен что-то говоривший, вдруг прервал себя на полуслове и взгляд его устремился к двери. Такая реакция удивила его друзей, и они проследили за его взглядом. В кафе вошли, две девушки, оживленно беседуя. Подойдя к стойке, они заказали два кофе и, дождавшись, когда его пригото-

вят, с чашками прошли в конец зала. Помещение кафе было не большим, и все посетители были на виду друг у друга. Все это время Семен не сводил с них взгляда, а друзья уже повернулись к нему, наблюдая за ним.

Семен, оторвав взгляд от девушек, посмотрел на лица своих друзей, которые не скрывали своего любопытства. Оно было написано на их лицах: Нина смотрела чисто по-женски, в ее глазах было понимание его состояния и сочувствия, Данила чуть с расширенными глазами, в которых проскакивали вопросы, а Николай с легкой улыбкой и ехидством. Он и задал вопрос, который так или иначе у каждого сводился к одному:

– И которая из них?

Вопрос был не праздный. Семен не страдал от отсутствия внимания к своей персоне со стороны девушек. Он был строен, приятен на вид, не глуп. И редко сам, вот так уперто, внимательно, смотрел на противоположный пол, но сейчас было на что смотреть. Девушек нельзя было отнести к сереньким мышкам; обе были темноволосы: шатенка и брюнетка, стройные, талии обеих подчеркивала одежда. Шатенка была в джинсах, ладно сидевших на ее бедрах, блузке, которая была подогнана так, чтобы было заметно, что грудь есть. Брюнетка – в белой блузке, свободной юбке, которая круто шла от ее бедер, а потом спускалась к коленам. Талия подпоясана тонким ремешком. Обе были красивы, без сомнения.

– Брюнетка, – спокойно ответил Семен.

– Да, – вздохнул Коля, – сколько их у тебя знакомых, скольким ты вскружил голову, разливаясь соловьем, да, если еще, за бутылочкой вина. Иногда складывается впечатление, что ты не знаешь, что в мире есть множество других интересных вещей, а не только женщины и вино, – заметил он другу.

– Неужели! – полушутя – полусерьезно сказал Семен. – Не делай из меня алкоголика, ты же знаешь, я почти не пью. Но в своей жизни, кроме того, что ты озвучил, не смог найти ничего более стоящего.

– А твоя работа?

– Э! Не путай разные области искусства. Самое совершенное, что создал Бог в этом мире – женщина. Здесь он превзошел себя. Вот посмотри на Нину – мягкость кожи, головка на очаровательной шейке, которая имеет изумительный изгиб, а запах тела женщины, а грудь, всевозможных размеров.

– Ты, полегче, это все-таки моя жена, – заметил Данила.

– Помолчи, – осадила его Нина. – Продолжай.

– Да, все в этом мире, мы делаем для них и ради них.

– Поэтому среди твоих знакомых все девушки не обделены внешностью, – вымолвил Николай.

– Но, согласишься, внешность важна.

– Безусловно, особенно для одного дела, но что же, потом?

– А что должно быть потом?

Николай чуть скривил губы в усмешке и пожал плечами: – Поговорить, поинтересоваться друг другом, поделиться впечатлениями.

Семен усмехнулся: – Я позвоню тебе, если мне захочется поговорить. Для этого мне не нужны заумные девушки.

– А умные?

Семен чуть задумался: – Пожалуй, иногда, будет не плохо.

Нина, до этого молча наблюдавшая за словесной дуэлью друзей, участливо, и как-то нежно спросила:

– Сильно зацепила?

– Кровоточит.

– Так что сидишь?

– Думаю, насколько серьезна рана, может быть, затянется.

– А если нет? Ты будешь истекать кровью? – с легкой улыбкой произнесла Нина, не скрывая иронии. – И я не совсем уверена, что мы сможем тебя спасти. Здесь ни дружба, ни медицина не помогут. Все, пропал парень. А какие подавал надежды! – продолжала она, но замолчала, увидев взгляд Семена, направленный мимо нее.

В это время девушки поднялись и направились к выходу, и Семен провожал их глазами. Выйдя из кафе, они прошли мимо большого окна, за которым сидели четверо, и девушкам было невдомек, что их провожают четыре пары глаз.

Солнце еще не зашло и светило в лица девушкам, так, что, когда они проходили мимо окна, Семен заметил, что их тени скользили за ними по асфальту.

– Шоу уходящих теней, – произнес Семен.

– Что? – не понял Данила.

– Ничего, были и исчезли.

– Семен, а может быть, ты зря сидишь, а надо догнать? – предложил Николай.

– Нет, – отрезал Семен. – Подожду. Если что, встретимся вновь.

– А если нет? Ты же будешь ее искать. А где? – поддержала Нина.

Семен положил свою руку, на руку Нины: – Я подумал, а если она к моему несчастью, не свободна, то у меня останется один путь, я буду распутничать, но не свяжу свою судьбу уже ни с кем. Впрочем, я знаю, что мне суждено остаться одиноким. – Все это, он говорил, тихим скорбным голосом, как будто рассчитывал на сочувствие.

– Кто бы сомневался, – засмеялась Нина. – Но ты ее не знаешь, – и она похлопала другой рукой по ладони Семена. – Я женщина, и поверь, во мне столько всего, что, порой, я сама не все знаю.

– Это точно, – подтвердил Данила.

– У меня появилась идея, – вдруг произнес Семен. – Надо сделать номер «Шоу теней».

– Фантазер – хмыкнул Николай.

– Конечно! А как иначе! Если я разучусь фантазировать – я умер. Вы только представьте: темнота, зрители ничего не видят и только арена в полумраке, на которой работают артисты, но зрители видят лишь их и их тени. А только прожектор выделяет одинокого человека, который пытается поймать тень, или наблюдает, что-то изображая.

– Это не смешно.

– А кто сказал, что клоун должен только смешить.

– Не знаю, как можно реализовать это технически, но, если тебе это удастся – ты гений.

– Да, это, правда, – согласился Семен. – Жаль, что пока ты единственный, кто это признает...

Все оценили шутку, и решили покинуть кафе, выйдя на залитую вечерним солнцем улицу. Небо уже начало менять свои краски, готовясь окраситься в угольную черноту, усыпанную звездами.

Какой-то особой цели у них не было, но вскоре они оказались у входа в парк и, пройдя под аркой, ступили на дорожку, которая вела к центру, откуда звучала музыка.

3

Компания подошла к небольшой площади, вокруг которой под деревьями стояли скамейки, на которых играли в шахматы, шашки, а на одной лежала фанера, где резались в домино. Было много молодежи, на этой, своего рода импровизированной танцплощадке, над которой, ограниченной высокими деревьями и освещаемой лишь фонарями, звучала музыка, что лилась из, поставленного кем-то на асфальт, магнитофона. В центре несколько человек танцевали.

– Ого! А здесь оказывается центр притяжения любителей музыки. Мне нравится. Просто, без всякой помпезности и клубных заморочек. Вечер, музыка и люди со счастливыми лицами, – осматриваясь, сказал Николай.

– И над всем этим парит любовь, – дополнила Нина.

– К чему?

– Ко всему: к людям, природе, шахматам, но главное к общению.

Звучавшая мелодия была современной и быстрой, и когда она закончилась, танцующие остались стоять в ожидании следующей мелодии, и вдруг раздались первые аккорды танго. Кто оказался таким любителем, что записал ее среди прочих современных мелодий, неизвестно, но стоящие отошли к краю площадки, видимо танго был не их танец. На площадку вышло две пары. Семен взглянул на Нину и увидел ее восхищенный, завистливый взгляд. Он знал, что она занималась танцами и, в отличие от своего супруга, любила танцевать, а не просто двигать частями тела, пытаясь попасть в такт. Семен занимался хореографией в училище и танго умел танцевать. Он взял Нину за руку:

– Пошли?

– Нет, ты что! – возразила она, хотя в ее взгляде Семен увидел мольбу и благодарность одновременно.

– Не отказывай себе в удовольствии, особенно в мелочах, как говорить, «Дьявол проявляется в мелочах», так что пусть порадуется, не стесняйся. Бери пример с меня.

– Ты привык быть на виду.

– Пошли, – настаивал Семен.

Нина робко взглянула на мужа и тот ободряюще улыбнулся. Он знал, что не способен составить ей пару, а видеть ее радостной от танца ему было приятно, тем более партнером был друг Семен. Еще пока все были холостыми, у них установилось неписаное правило, девушку друга воспринимать, как недоступную, и руководствоваться словами из песни «уйду с дороги, таков закон, третий должен уйти». Хотя ни разу не доходило до того, чтобы конкурировать за чье-то внимание, а тут жена.

Семен с Ниной вышли в круг и, поймав момент, вступили в танец. До этого им приходилось пару раз танцевать на каких-то вечерах, и они уже чуть-чуть знали друг друга, как партнеры. Каждый, по еле уловимому движению тела, руки, взгляда, понимал, нет, чувствовал, что сейчас сделает партнер и куда будет движение. Они танцевали легко, плавно скользя над асфальтом, но в тоже время, точно, резко останавливались, там, где надо, чтобы четко остановить движение, и все было синхронно, улавливая по глазам партнера, повороту головы, следующее «па». Они не думали, как они смотрятся со стороны, они танцевали, отдаваясь ритму, в котором проявлялись страсть, любовь, неистовость. Это было танго. Со стороны могло выглядеть, как прощание, а могло и, как встреча после долгой разлуки. Семен не замечал ничего вокруг, он был поглощен танцем, как и Нина. Мелодия обоим была знакома, и танец их закончился четко с окончанием звука последнего аккорда.

Едва музыка стихла, как раздались аплодисменты. Семен осмотрелся, и заметил, что зрителей стало больше, даже играющие на скамейках, с удовольствием смотрели на них. Семен и Нина оказались единственной парой на площадке, две остальные сочли за благо уйти, чтобы не портить эффект.

Они не были профессионалами, но станцевали достойно, красиво, что и было оценено случайными зрителями. Подойдя к друзьям, Семен обратился к Даниле: – Учись.

Тот лишь глубоко вздохнул, признавая себя неумехой, и поцеловал жену: – Здорово. Ты у меня прелесть. Я восхищен.

– Лишь бы продолжал и дальше восхищаться, – довольная комплиментом, ответила Нина.

– Я, конечно, знаю, что Земля круглая, и догадывался, что мир тесен, но не до такой, же степени, – услышали они голос Семена.

Он стоял и смотрел, как в их сторону идут те самые девушки, из кафе. В вечернем закате, в легкой вечерней дымке и свете фонарей, они казались еще более привлекательными. Обе словно вышли из тумана. Молодые парни, бывшие на площадке, смотрели им вслед, любуясь хрупкими фигурами, но что-то было в девушках такое, что не позволяло пойти за ними или бросать реплики в след. Когда они подошли ближе, то Семен увидел на открытом красивом лице одной, бездонные зеленые глаза, что привлекало внимание, и внушало доверие.

Последние лучи Солнца, пробивавшиеся сквозь кроны деревьев, окутывали ее тело. Легкий ветерок играл с волосами. Лицо не призывало к себе, оно манило, оно светилось нежностью, и каждая его черточка приветливо улыбалась. Во всяком случае, такой ее видел Семен. Проходя мимо, она случайно коснулась его рукой и улыбнулась, извиняясь перед ним. Мир пошатнулся и показался нереальным. Семену показалось, что еще никто и никогда так на него не смотрел.

Девушки прошли мимо по направлению к выходу. И тут Семен, словно очнулся от шока и выбрался из тумана, осознав реальность:

– Так, извините, но это будет большой ошибкой, если я останусь. Николай ты со мной, – не спрашивая, а утверждая, сказал он. Тот понял его.

– Ну, куда я тебя брошу в такой ответственный момент твоей жизни, как знакомство с прекрасной девушкой. Пропадешь ведь. Надо спасать, – сказал он Даниле и Нине. – Мы пошли. Если что, мы утонули в бездонных глазах незнакомок и сердца наши не выдержали. Пока.

– Пока, – сказал Семен. Они помахали супругам и устремились вслед за девушками.

– Николай, делай что хочешь, хоть падай на колени, хоть умри, но подругу отсеки, даже если это ее сестра и живут они в одной квартире.

– Попробую.

– Не попробую, а сделай, – шепнул Семен, чтобы девушки не услышали, потому что они их почти догнали.

– Девушки, подождите, пожалуйста, – произнес Семен, когда они поравнялись с ними.

– С чего вдруг? – сказала шатенка. – Не надо быть ясновидящей, чтобы понять с какой целью вы за нами увязались.

Девушки продолжали неторопливо идти к выходу из парка.

– И какой?

– Ну, уж точно не спросить который час. Ясно дело – познакомиться.

– А это плохо?

Тут шатенка остановилась, брюнетка тоже. Шатенка посмотрела на друзей: – И как вы нас распределили? – спросила она, игнорируя вопрос.

– Не понял? – Семен был ошарашен таким напором.

– Ну, кто за кем собирается ухаживать? Или я ошиблась?

– Нет, – откровенно признался он.

– Слушайте, ребята, не думаете же вы, что у нас проблема со знакомством. Что вы можете предложить такое, чтобы мы согласились познакомиться? Чем вы нас можете удивить? – и, повернувшись, направилась дальше, потянув за руку брюнетку.

– Да, не простая задача, – согласился Семен, последовав за ними. – А что обязательно удивлять? Иначе никак? Мне всегда казалось, что люди знакомятся, если между ними возникла симпатия, а она предвестница любви. Знаете, как говорить про любовь, «Легче полюбить человека, если знаешь, что тебя любят».

– Логично.

– Мне легче сказать, какой парень тебе не понравится, для знакомства.

– Даже так! Поделись.

– Когда говорят, что он симпатичный или даже красив, хороший работник, уравновешен, рассудителен, и вообще, приятный человек. Так говорят в обычном, реальном мире, обычные люди.

– Если он всего, лишь приятный малый, я его возненавижу, слишком стандартен. А вы, значит, не такие?

– А вы, значит, верите в любовь.

– Почему такое мнение?

– Есть фраза, «тот, кто верит в любовь, верит и в ненависть». В вашем случае наоборот.

– Во всяком случае, лично вы, меня еще не удивили, но заинтересовали, и в тоже время, я догадываюсь, что вас заинтересовала не я.

– Трудно разговаривать с умной, проницательной женщиной. Как рентген все видит. Но у нас с вами все равно ничего не получится.

– Это еще почему?

– Мы всегда будем говорить торопясь, чтобы оказаться чуть впереди другого и конца этому не будет.

– Да, уж, я заметила, что вы любите помолчать, – поддела она.

– Это мой единственный недостаток, но я над ним работаю. Нет лучшего диалога, чем молчание.

– Да, жаль, что вы остановили свой выбор не на мне, – шатенка остановилась и осмотрелась. Они уже вышли из парка. Сумерки вступали в свои права, но было еще не поздно и горожане не торопились домой.

– Меня зовут Семен, а это мой друг, Николай.

– Имя редкое у вас. А где другие? С вами были парень и девушка.

– Значит, все-таки заметили. Это Данила и Нина, они супруги.

– Заметили.

– И удивили, – впервые за все время нарушила свое молчание брюнетка. – Своим танцем. Сейчас редко встретишь, кто умеет танцевать танго, разве только профессионалы.

– Увы, мы любители.

– Света, – представилась брюнетка, – Алла, – перевела она взгляд на подругу.

– Ну, что, Николай, пойдемте, я разрешаю вам проводить меня до дома, и надеюсь, вы не будете молчать, молча рассказывая о богатстве человеческой души, – сказала Алла.

– Постараюсь, – произнес Николай и пошел рядом с Аллой к ближайшей станции метро.

Семен посмотрел на Свету, глаза ее, в сгущающейся темноте, рассекаемой светом уличных фонарей, стали темными, но в них проглядывался изумрудный оттенок.

– Предлагаю немного прогуляться и выпить кофе, – предложил он.

– Только недолго, – предупредила Света, и они направились в противоположную сторону, от той, куда ушли Алла и Николай.

– А где ты, так научился танцевать?

– Была возможность, и я ей воспользовался.

Семен шел рядом со Светой, чуть касаясь ее, и эти редкие прикосновения, тут же отражались на его сердце, которое не стало биться учащенно, оно наполнялось нежностью, сладкой и легкой. Общество этой красивой девушки, вдруг заставило его осознать, что до сих пор он был, в сущности, одинок. Все его прежние знакомства, связи с женщинами не наполняли его мыслями о них. И вот сейчас, когда она рядом, он почувствовал себя одиноким, потому что, был для нее чужой, случайный знакомый, и неизвестно, что будет дальше. Обычно, Семен привыкший, что слова сами вылетают из него, на этот раз боялся сделать глупость.

– Ты извини, если я буду не очень разговорчив.

– Что так? Раньше я этого не заметила.

– Мне приятно с тобой просто идти, молча, рядом. Я думаю, что тебе много говорили комплиментов и говорят, и не хочется уподобляться шаблону, пытаюсь произвести впечатление, рассказывая небылицы, говоря глупые шутки. Я прекрасно знаю, что комик в жизни – дурак на сцене.

Света мельком взглянула на него: – А наоборот?

– Наоборот не бывает. Комик на сцене не бывает дураком в жизни. Он слишком чувствительная натура.

– Чем же ты занимаешься?

– Я занимаюсь радостью.

– Даешь или отнимаешь?

– Отдаю.

– Ты имеешь отношение к сцене?

– Никакого, – уверенно ответил Семен, и не врал. На сцене он не выступал, разве только в училище, а так он выступал на арене, и размеренно произнес: – Сцена, это нечто иное. Я выступаю на арене.

– Где? – остановилась Света, всматриваясь в него.

– На арене, – повторил Семен. – Я работаю в цирке. Давай зайдем? – предложил он, потому что они остановились возле дверей кафе. Семен открыл дверь, и они вошли в зал. Им повезло, в этот субботний вечер один столик оказался свободным. Подошедшая официантка приняла заказ и удалилась.

– Значит, ты работаешь в цирке, – продолжила тему Света. – Кем?

– Клоуном.

На лице Светланы было изумление, которого она не пыталась скрыть, даже из приличия. Улыбка сделала ее лицо еще привлекательнее.

– Ты действительно удивил. У меня нет знакомых даже близко имеющих отношение к цирку. У тебя в роду цирковые артисты?

– Нет, мои родители инженеры.

– И почему такой странный выбор?

– Не хуже других.

– Я не говорю, что хуже. Я бы поняла, если династия, но, вот так.

– Именно, вот так. Мне нравится.

– Значит, веселишь людей.

– В том числе. Я дарю им радость. А ты любишь цирк?

– Не знаю, не задумывалась. Никогда не думала, что будет знакомый из цирка, и не просто знакомый, а клоун.

– Унижает такое знакомство?

– Нет, но неожиданно.

– Клоун сложная работа. Со мной разобрались, – решил сменить тему Семен. – У тебя есть парень?

– О! Мы уже переходим к скучным подробностям и суровой житейской реальности?

– Надо же мне знать о наличии конкурента.

– Собираешься за меня биться?

– Нет, отдаю право выбора тебе, но привлечь внимание, да.

– Не знаю, удастся ли.

В это время им принесли кофе и мороженное. Официантка с мрачным видом поставила все на стол, и когда она ушла, Семен заметил: – Гостеприимством это заведение не славиться.

– Она, просто занята, – возразила Света, и отпила кофе. – Она видит, что за этим столиком допрос с пристрастием, и сочла за благо не мешать инквизитору.

– Инквизитор, конечно, я.

– Я похожа на инквизитора?

– Он не обязательно уродлив, особенно, если допрос касается души. Ее тоже можно уничтожить. Так что все относительно, кто есть, кто. Эйнштейн сказал: – «Проведите час с симпатичной девушкой, и вам покажется, что прошла минута. Сядьте на минуту, на горячую сковородку, и вам покажется, что прошел целый час. Это и есть относительность»

– Пытаешь удивить меня интеллектом? Кстати, – Света посмотрела на часы, – время не относительно. Мне пора.

– Хорошо, – согласился Семен, хотя ему очень не хотелось расставаться с ней, не зная о том, что последует далее, а так, каждая минута была подарком судьбы.

Он рассчитался, и они вышли под ночное небо города. Света закинула голову, посмотрела в его темноту, и затем сообщила, где живет. Это было не так далеко, и Семен настоял, чтобы поехать на троллейбусе.

– Да, метро быстро, – убеждал он, – но там, вечером, чаще всего видишь усталые лица, в которых читаешь одно желание – быстрее оказаться дома, в тишине и уюте. И сбежать от грохота колес. Ты часто видишь город из окна транспорта?

– Нет.

– А стоит. Наземный транспорт идет неторопливо и видно, как красив вечерний город, как причудливы дома в вечерней синеве, которых не заметишь, проходя мимо.

Она согласилась. Ее не удивила его настойчивость, а он понимал, что хочет дать ей понять, что стоит ее времени. Троллейбус в это время суток, был почти пустым. Светлана с интересом смотрела на город, а Семен, сидя рядом, чувствовал ее тело, и в голове возник вопрос – приятно и ему это было? Ответ был положительным. Он, глядя в окно троллейбуса, искоса рассматривал Свету. Она была очень привлекательной. Любой парень, если он нормальный, согласился бы с его мнением. Его не охватывала паника от разговора с интеллигентной и красивой девушкой, он был уверен в себе.

Район, где жила Света, был одним из тихих районов, где квартиры занимали люди с достатком. Дом, возле которого они остановились, был высотным, с аккуратным газоном. Входные двери были хорошо освещены, как и вся улица. Остановившись возле одного из подъездов, они услышали, из открытого окна голос диктора, сообщившего, что время двадцать три часа.

– Я не приглашаю тебя в гости. Как-нибудь в другой раз.

– Надеюсь.

– Ты мне не сказала, чем занимаешься?

– Тоже потом.

– А оно будет?

– Я подумаю, – Света улыбнулась. – Значит, клоун.

– Моя профессия тебя все-таки смущает?

Светлана на мгновение задумалась: – Немного, но это от неожиданности.

– Я позвоню?

– Хорошо, давай встретимся.

– В понедельник, – предложил Семен.

– Почему?

– Завтра я работаю

– Ах, да. А сегодня выходной?

– Именно.

– Хорошо, позвони мне завтра вечером, и договоримся, – Света продиктовала номер телефона. – Мне понравился этот вечер.

– И мне.

Она скрылась в подъезде. Семен еще немного постоял, глядя на дверь, скрывшую от него девушку, которая была ему не безразлична, и отправился домой. По дороге он порадовался, что

у него был выходной именно сегодня, и сегодня с Никитичем, опытным клоуном, у которого он был вторым номером, работал Стас, с которым они вместе учились.

Домой Семен пришел поздно, но родители еще не спали.

– Ужинать будешь? – спросила мать.

– Нет, спасибо, – ответил Семен и направился в свою комнату.

– Подожди, – окликнула его мать, и, посмотрев на сына, махнула рукой: – Иди, все ясно.

– Что ясно?

– Влюбился. И когда все будет серьезно.

– Когда-нибудь. – Семен подошел к матери. – Когда-нибудь обязательно.

– При твоей работе, не уверена. Ты же почти все время на работе. А жена будет вечерами сидеть одна дома?

– Это решать ей. Если будет любить, то моя профессия ей не помеха.

– Осталось встретить такую. Ты встретил?

Семен пожал плечами: – Не знаю, но надеюсь, – и отправился в комнату.

Раздевшись, он лег спать, но заснуть долго не мог. Перед глазами стояла Светлана: стройная, изящная, с очаровательными глазами и губами, к которым хотелось прикоснуться, чтобы почувствовать их теплоту, нежность, узнать их вкус. Он даже не пытался сделать попытку в этом направлении, боялся спугнуть удачу. Раньше он быстро переходил эту грань, но тогда он не задумывался, какова будет реакция, да и чувствовал, что отказа не будет, но сегодня все было иначе. Светлана была, как видение, которое он боялся спугнуть, он еще никак не мог поверить в ее реальность.

4

Едва Светлана переступила порог квартиры, как из кухни вышла Алла. Взгляд ее был ироничным, едкая улыбка, впрочем, добрая, играла на ее губах:

– И как прошло свидание?

– Лучше, чем можно было ожидать.

– Пошли, я чай заварила, там и поговорим, – и скрылась на кухне.

Алла разлила чай и села напротив Светы, взяла из вазочки конфету: – Ну, что молчишь? Я что зря весь этот спектакль разыграла?

– А я тебя и не просила.

– Я знаю, но я же, не глупая, а как мне было тяжело. А если бы Андрей увидел меня с другим?

– Его же нет в городе.

– Есть знакомые, которые донесут и расскажут то, чего и не было.

– А как Николай?

– А причем здесь Николай? Я не собиралась и не собираюсь с ним встречаться. Он, кстати не глупый и все понял, когда я ему рассказала об Андрее. Оценил мой подвиг, посмеялся и ушел, проводив до дома. А так, парень, не плохой. Так что?

Светлана подняла чашку, но пить не стала, а посмотрев на Аллу, спросила: – А зачем ты все это сделала?

– Потому что я умная и видела, что тебя, тот парень, заинтересовал. Так почему нет? Ты сейчас свободна. А если бы не сложилось, так не беда. Не судьба. Вот тогда я и решила все разыграть.

– Я их компанию заметила еще в кафе.

– Я тоже.

– Вообще за мной ухаживает Дмитрий, если ты забыла.

– Вот именно, ухаживает, – усмехнулась Алла, – делает попытки. Зачем тебе этот ботаник? Так я жду?

- Мы зашли в кафе, поговорили и он проводил меня до дома. Не глуп, это точно.
- И все? Да, информация об объекте скудная, чтобы делать выводы. А что говорил? Он же разговорчивый.
- Я бы так не сказала. Он умеет молчать. Видимо на работе говорить не хватает.
- Что-то ты не договариваешь. Какой такой говорить не хватает?
- Это связано с его профессией, – вздохнула Света. – Неожиданно для меня
- И где он работает? Неужели водитель троллейбуса?
- В цирке.
- Где!? И кем?
- Он клоун.

Алла вытаращила глаза, а потом звонко задорно засмеялась. Смех ее был настолько заразительным, что Света не удержалась и тоже засмеялась. Прервав смех, Алла вытерла слезинки, появившиеся в уголках глаз, и выдавила из себя: – Только клоунов в нашей жизни нам и не хватало. Да, жизнь порой и так похожа на цирк парадоксов, а тут свой клоун. Станет грустно, и ходить никуда не надо. Артисты народ интересный, но и непредсказуемый. Гастроли и прочее. Ненадежный.

- А ты много их знаешь?
- Ни одного.
- Как ты можешь судить не зная.
- Ну, вот сегодня, как он себя вел? Что изображал?
- Только себя. Он, кстати, извинился, что бывает, не многословен и не пытался веселить, привлекая к себе внимание. Сказал, что не хочет быть комиком в жизни.

Алла стала серьезной: – А вот это интересно, то, что не старается привлечь к себе внимание, не верю. У него нет комплексов, как у обычных людей. Он привык к публике и ее наличие на улице его не смущает. Взять хотя бы танец. Думаю, в нем есть некая безбашенность, но надеюсь ее у него немного. Но без нее скучно и человек становится не интересным. Надо узнать его получше.

- Сама будешь узнавать?
- А что! Я бы могла, но зачем нарываться на неприятности и сразу с двух сторон: Андрея и тебя. Доверю тебе. Договорились встретиться?
- Завтра он позвонит, а встретимся в понедельник.
- Ясно, завтра он работает, – задумчиво произнесла Алла. – А не плохо бы на него посмотреть в цирке. Присмотрись. Если судить по передачам, то многие из них достаточно серьезные люди. Это не эстрада, где все ходят по тусовкам. Эти вечерами работают, пашут. Комический артист очень раним и чувствителен, он лучше видит боль. И они ими не играют.
- Ты же только что говорила, что они ненадежны.
- Бывают исключения.
- И откуда такие познания?
- Читаю много, чувствую, сопереживаю. Вот ты по профессии будущий врач.
- И что?
- А то, что жизнь – самая опасная болезнь.
- В таком случае, ты предлагаешь мне ее вылечить? Да, я знаю одно лекарство – гильотина.
- Смешно. Ты должна любить, чтобы болезнь протекала без перекосов и осложнений.
- Я ничего не должна.
- Ну, это к слову.
- А любить его?
- Может быть и его, хотя и не обязательно, – пожала плечами Алла, – профессия, конечно, несколько специфическая. Интересно, что скажут родители.

- Даже думать не хочу. Это мое дело.
- Верно, но это, только так, кажется. Он тебе понравился?
- Не знаю, как я могу сказать. Мы знакомы один вечер.
- Для этого хватает одного мгновения. Но ты права, не надо знать. Если найдешь логический ответ, все рухнет. Чувства логике неподвластны. Пойдем спать.

Утро было для Семена радостным, во всяком случае, он проснулся с таким ощущением, что мир в его глазах стал иным. Что это? Почему он раньше не испытывал такого состояния. Всего лишь один вечер, да что вечер, он изменился уже тогда, когда он увидел Свету в кафе. «Интересно, что она сейчас думает, – мелькнула мысль, но посмотрев на часы, он усмехнулся, – вероятнее всего ничего, а просто спит». Часы показывали восемь утра. Выходной. Легко потянувшись, он отбросил одеяло, поднялся и сделал несколько упражнений, заставляя мышцы работать. Он систематически, не пропуская ни одного дня, делал физические упражнения и дома, и в цирке. Начал с упражнений на баланс. Движения были жесткие и равномерные. Разогревшись, он отправился в душ, а затем присоединился к родителям, которые завтракали на кухне.

Чем занять день, он знал: скоро поедет в цирк, надо репетировать, а вечером представление. Зазвонил телефон, и Семен подошел к аппарату.

- Слушаю, – сказал он, подняв трубку.
- Привет, Ромео, – услышал он голос Николая, тот знал, что Семен просыпается рано и не боялся его разбудить.
- Привет.
- Как вечер?
- Даже не знаю, что сказать.
- Что, все зря? – услышал он огорченный голос друга.
- Нет, как раз все замечательно. Я даже боюсь, что вчера это был сон, и я не могу подобрать слова к своему ощущению.
- Я помогу. Наверное, это любовь
- Не знаю. До сих пор эта капризная дама проходила мимо, и мы с ней знакомы не были, да и не торопились знакомиться, и как она себя ведет, не знаю.
- Ну, а договорились вы, о чем?
- Завтра встретиться, а сегодня я ей позвоню.
- И как думаешь, она к тебе относиться? Что почувствовал?
- Сложное мнение. Отнеслась... да, хорошо, раз согласилась на свидание. Вот только моя профессия у нее восторга не вызвала.
- А ты ей сказал?
- Почему не сказать?
- Действительно, хотя я бы подождал. А чем она занимается?
- Мы это не обсуждали.
- Знаешь, если она предвзято относится к твоей профессии, то беги и, не мучай себя. Ничего хорошего тогда не выйдет, только мучиться будешь.
- А как у тебя? – перевел Семен разговор на друга.

Николай засмеялся: – Как нас с тобой развели! Как малолетних пацанов. Я проводил Аллу, и мы расстались. Просто расстались и все. У нее есть парень, какой-то дипломат и она собирается за него замуж.

- Тогда зачем все это было надо?
- В этом и суть. Алла вчера просто составила компанию Свете, а знакомиться они ни с кем не собирались. Там, в парке, она увидела, что Света заинтересованно смотрела на тебя, и решила помочь вашему знакомству, вернее, дать тебе шанс. Специально не было поиска

знакомств, так получилось. Светлана не испытывает недостатка в ухажерах. В итоге, мы пошли домой коротким путем, а вы длинным. Вся интрига в том, что ты вчера сказал, что хоть сестра, и попал в десятку. Они сестры. Так что, когда Светлана пришла домой, там ее ждала Алла, родная сестра.

– Они что, не могли сказать?

– Ты подумал? Тогда нам пришлось бы всем вместе, всем четверым совершать прогулку. Тебе это было надо?

– Точно нет.

– Вот и все. Отдыхай, наслаждайся жизнью. Ты сегодня работаешь.

– Да, скоро поеду.

– Позвони мне завтра вечером. Что-то меня настораживает ее отношение в твоей работе.

Семен положил трубку. Как она относится к нему, все это проявится, а пока он был счастлив, и в таком радужном настроении, поехал в цирк.

5

Цирк встретил Семена знакомыми запахами, такими привычными, и было во всем этом некое волшебство, создаваемой атмосферой, из далекого детства. Он прошел по коридору и вышел на арену, где на доске репетировали гимнасты, жонглеры работали с булавами. Поприветствовав коллег, он услышал:

– Семен, – оглянувшись, увидел в четвертом ряду, инспектора манежа – Сан Саныча, которого все за глаза называли «Изюм», потому что он, когда смотрел номер, то в конце обязательно заканчивал «должна быть в номере изюминка». Было Сан Санычу более шестидесяти лет и сам он из бывших коверных. Это помогало многим. Инспекторами манежа были и из других цирковых жанров, но только клоунада давала возможность говорить реплики. Другие в своих прежних номерах разговаривали между собой, не со зрителями, поэтому и не хватало разговорного опыта. Инспектор манежа часто подыгрывает клоунам, разговаривая с публикой, объявляет номера. Он должен был уметь говорить, и всем этим обладал Сан Саныч. Был он среднего роста, худощав, лысый с глубоко посаженными, цепкими глазами. Морщины прорезали его лицо, но не портили, и оно оставалось добрым.

– Что так рано? – спросил он, когда Семен разместился рядом.

– Так получилось. Что дома делать, вот и пришел. Как вчера отработали?

– Все в порядке. Стас хорошо работал. Когда-то вам придется определиться. Никитич хороший мужик, но он не будет работать с двумя, да и, ни к чему это.

Семен понимал Саныча. Он нашел общий язык с Никитичем, а вот со Стасом не получалось еще с училища. Тот всегда хотел вырваться вперед. Да, придет время, и видимо скоро, что Никитичу придется сделать выбор. А что другой? Может быть, даже на вольные хлеба, либо делай свой номер. Помня об этом, Семен и начал потихоньку готовить номер для себя.

– Я понимаю и стараюсь.

Саныч посмотрел на Семена и спросил: – А что это ты такой радостный? Из тебя все так и прет.

– Настроение хорошее.

– Семен, я не лезу в личные дела, но ты знаешь, что, переступая порог цирка, все личное надо оставлять за его пределами. Личное может в самый неподходящий момент, нанести сильный удар.

– Да, знаю я, Сан Саныч.

– Знаешь, да не все. Гастроли намечаются, и есть у меня подозрение, что поедет Стас.

– А почему он?

– Я, так думаю, что ты стал переигрывать Никитича. А кому это понравится.

– Разве?

– Да, Семен, и не я один это заметил. Поэтому тебе надо срочно свой номер. Те, мелкие сценки, что у тебя есть пройдут. Я что заметил? Тебе надо больше разговаривать, я имею в виду тренироваться. Репетируй перед зеркалом. Следи за тем, как голос выходит изо рта. Ты должен до автоматизма довести расположение губ, помнить об угле, под которым нужно держать голову. Помнить, как ты киваешь, как движется голова, руки и направление взгляда. Все это кажется мелочами, но в сумме они дают то, что надо зрителю – интерес.

«Изюм» говорил тихо, даже монотонно, при этом, не отрывая взгляда от манежа: – Но надо что-то еще придумывать. Вот я, как старая рабочая лошадь, которую держат лишь потому, что я хорошо знаю дорогу, по которой надо идти и у меня не большой аппетит. Я делаю только то, что умею – привлечь внимание публики, дать реплику и подсказать. Ты еще молод и должен запомнить, что в спину всегда дышат, что всегда найдется кто-то, кто пойдет дальше тебя и сделает лучше, чем ты. Так что не сиди, иначе обгонят. Никитич хороший клоун, успешный и имеет не плохой статус. Но любой успешный клоун строит свое представление на том, что ему подыгрывает партнер. Очень редко встречается талант, опирающийся сам на себя, так что поторопись с выбором.

– Я готовлю номер.

– Да неужели? – и в его вопросе сквозило ехидство. – И где же он? Что-то я не видел тебя на арене.

– Я репетирую иногда в училище, меня по старой памяти пускают. Я не хотел говорить об этом раньше, Никитич обидится, да и зарубят

– Это, как сделать, но то, что готовишься, правильно, не оказался наивным. В нашем деле наивность граничит с глупостью, а за нее всегда надо расплачиваться. – Сан Саныч прищурил глаза, словно заглядывал в душу Семена. – И что за номер?

– Он без слов. Это музыкальная эксцентрика. Я работаю на свободной, гибкой проволоке. Это лирический номер, с саксофоном.

– А ты играешь?

– Немного, еще в училище брал уроки.

– Ты глуп раз мочал об этом? Что дальше?

– Делаю разные трюки, играя на саксофоне. Суть в том, что герою нравится девушка, я привлекаю ее внимание, но потом я вижу ее с другим. Все мое настроение я отображаю мелодией. Ритм меняется.

– И в чем изюминка?

– Это самое сложное. Проволока провисает на высоте не менее двух метров. Девушка проходит под ней с другим, я, глядя на них, падаю, цепляюсь носками за проволоку и продолжаю играть. Все это в полумраке, и лишь прожектор освещает меня, но и он тихо гаснет.

– Ты сумасшедший. Тебе ли не знать, что по гибкой проволоке нельзя быстро бегать, прыгать. Оторвавшись от нее, невозможно, практически невозможно, – поправился он, – вновь встать на нее, из-за возникающей раскачки. Как только она уйдет из-под тебя, ты не увидишь на какое расстояние.

– Я пробовал, стало получаться. Правда, ботинки надо мягче. В номере почти нет реквизита.

– Нет реквизита, – вздохнул Сан Саныч, – это у иллюзионистов его много. Хороший коверный должен уметь работать с малым реквизитом. Публике важен не реквизит, а номер. Часто простота работает лучше, чем технически сложный номер.

– Хочу стать хорошим коверным, и я им стану. Я продам душу тому, кто мне поможет. Я готов глотать оскорбления по поводу номера. Мне плевать. Когда-нибудь те, кто меня хаял, будут, есть из моих рук, но они пока этого не знают.

– О, как тебя понесло. Душа мне твоя не нужна, но попробую помочь. А что касается плевать, то запомни, злое сердце – плохо для клоуна. Оно пока у тебя доброе, пусть таким и останется.

– Да, я хочу, чтоб те, кто не понимает, что такое клоунада, относились к ней с уважением.

– Ну, что же, уважать свое дело, значит, уважать тех, кто смотрит, а также уважать себя.

– У меня есть еще идея. Вчера пришла. Хочу написать сценарий..., – начал Семен, но Сан Саныч его прервал.

– Стоп! Разберись с одним номером, а об идее никому не говори. В мире искусства часто не соблюдается третья заповедь «не укради». Крадут трюки, репризы. Придумал, молодец, не говори никому, сначала все обдумай. Сценарий вещь хрупкая, сложная. Мне иногда кажется, что первыми людьми были сценаристы. Они и начали еще до образования Вселенной, когда вокруг царили покой и мрак. И надо сказать, не всё предусмотрели. Не Бог же писал себе сценарий по заселению Земли. Он главный. Так что, не показывай никому сценарий, не надо торопиться в клуб дураков. Только глупый отправит свой сценарий на рассмотрение, не зарегистрировав его. И помни о третьей заповеди. Но вернемся. Ты можешь мне показать номер? Что наработал?

– Могу.

– Тогда завтра, здесь утром. Рано утром. Мачты установим сами.

– Во сколько?

– Часов в восемь, еще пусто. Меня пока радует твой настрой «Искусство – это не то, что ты можешь выбрать, это то, что выбирает тебя». Иди, готовься, вон Стас пришел.

На арене появился Стас, высокий симпатичный парень, он окинул взглядом арену, где шла репетиция, посмотрел в зал, и увидел сидящих Семена и Сан Саныча. Семен спустился к Стасу, и они поздоровались.

– О чем беседовали с «Изюмом»?

– Наставлял на путь истинный

– Это он умеет, – ухмыльнулся Стас. – Кстати, мы вчера классно отработали.

– Поздравляю. Я думаю, что ты очень старался, чтобы, однажды выбрав момент толкнуть меня сильнее.

– Буду надеяться, что, когда я это сделаю, ты будешь стоять на краю пропасти.

– Я вижу, что сзади. Пошли переодеваться, – буднично произнес Семен и направился в гримерку. Он знал, что Стас приложит все усилия, чтобы выдвинуть его из номера. Но не это было основной причиной, почему Семен начал готовить номер. Ему хотелось реализовать свои идеи, он даже стал их записывать, чтобы не исчезли. Вчера, идея «шоу теней» прочно засела у него в голове, но пока только жила, осваиваясь, и как ее реализовать, он пока не думал. Что скоро гастроли – хорошо и плохо. Хорошо поехать, заработать, но тогда прощай репетиции, да и со Светой придется расстаться, а только познакомились. Отъезд основной труппы даст возможность репетировать на арене. В училище ему разрешил репетировать директор. Иногда Семен приезжал туда после представления и дома уже появлялся под утро, заваливался спать, а потом снова в цирк. И все его победы с девушками были скоротечны, некогда ему было ухаживать. Но вот Света. Да, он должен сделать сольный номер, чтобы она увидела и поняла, что клоун, это не просто.

Пока они переодевались, пришел Никитич, а затем начались репетиции, Стас сидел в запасе. Никитич Семену нравился, он не ругался, если что не получалось, а объяснял. Еще и еще. Каждый жест, взгляд надо было отрабатывать, но Семен был вторым, а амбиции его требовали самостоятельности. Они хотели слышать овации, предназначенные только ему, хотели видеть на афише его фамилию, а для начала хотя бы фразу «весь вечер на манеже Семен Ковалев». Кому не хочется славы Олега Попова, Юрия Никулина.

Перед началом представления он позвонил Свете, и они договорились о встрече завтра, в шесть. Представление прошло успешно, и Семен сразу уехал домой, а в понедельник к восьми был в цирке. Он вместе с одним из служащих поставил мачты, сделал нужную слабинку проволоки.

– Подстраховаться? – предложил Сан Саныч.

– А как я буду работать? Да, и не высоко.

– Тогда высота не более двух метров, чтобы в случае падения ты сумел сгруппироваться.

Ох, Семен, подведешь ты меня под статью.

– Сан Саныч, но как, же тогда? Все новое всегда неприемлемо.

– Ладно, давай.

Свет на арене был приглушен, Семен забрался по мачте на площадку, и с нее с саксофоном прошелся по проволоке. Он на ней качался, сидел, лежал, наигрывая известные мелодии. Когда по сюжету должна была пройти девушка, Семен стоял на проволоке, как бы высматривая ее, и увидев, чуть качнулся в направлении нее. Проволока пошла назад, и тут «якобы» увидев соперника, Семен словно споткнулся, мелодия прервалась, и он стал падать, успев зацепиться носками мягких ботинок, но провисел недолго и упал. До арены он мог достать руками, и, сделав кувырок, встал на ноги.

– Идея есть, но техника слабовата. Мне не нравится твой настрой. Отбрось все личное, надо побольше игры, куража, грусти. Все, что тебе нужно – воображение. Ты же представляешь, что вот она любимая девушка и вдруг с другим. Все решают доли секунды. У тебя были разочарования от расставания с девушкой?

Семен задумался, но «Изюм», взглянув на него, прервал мыслительный процесс:

– Ясно, этого ты не испытал, – и окинув взглядом Семена, произнес. – Да, что это я, и так все ясно. Дал же Бог внешние данные... и умом не обидел. И все одному. Чудны дела твои Господи. Так вот, ты артист, а значит, тебе необходимо солгать в свое горе. Вдохновение должно быть, а оно появляется оттуда же, откуда и идеи для выступления, – и он указал пальцем вверх. – Раз уж ты решил сделать музыкальный номер, то в начале номера предстоит неизбежный тяжелый труд – тебе нужно оживить манеж. Начни с какого-то простого действия, например, начни играть раньше, увлеки девушку или изобрази мечту. В общем, где-то так. Понял?

– Понял.

– Понял, – пробурчал Сан Саныч. – Поздно зацепился. В жизни надо ловить момент, а ты его сейчас проворонил. Давай еще раз и перестань пытаться меня убедить в технике. Пока делай то, что чувствуешь. Ты зажат, ты боишься ошибиться. Нужно иметь мужество, чтобы начать вновь не бояться ошибок. Расслабься напрягаясь.

– Это как?

– А вот так!

– Понятно.

– Ну, раз понятно, то начинай.

Так Семен работал еще два часа. Ноги гудели, пальцы отказывались жать на кнопки саксофона, но сдвиги к лучшему были. Он уже держался на носках. Сан Саныч велел пока без саксофона отрабатывать удержание.

– Все, хватит, – сказал он. – Мне пора домой. Это я ради тебя сбежал, пока все на работу собираются, а жена в магазин.

– Спасибо.

– Спасибо, – по-доброму проворчал Сан Саныч. – Мне понравилась твоя идея, и я захотел увидеть, что и как ты делаешь.

– И как?

– Плохо. Вот как, но идея есть, а делаешь пока плохо.

– Все-таки пока?

– Надеюсь. Хорошо, что у тебя есть мечта. Я догадывался, что такая может прийти только к чокнутому, но все люди чокнутые и большинство знает, что их мечта недостижима, но мечтают. Тебе повезло, что есть возможность свою реализовать. И вот что, Семен, – Сан Саныч сел в кресло на первом ряду, Семен рядом, – свои идеи пытайся обдумывать.

– Я их записываю, как и репризы.

Сан Саныч улыбнулся: – Везет же чокнутым. Другие мучаются, а он придумывает, не мучаясь и, возможно, вниз головой. Вот что, надо определиться. Если поедешь на гастроли, то там возможности отрабатывать номер не будет, если хочешь, то надо его сделать к началу сезона и сдать комиссии, и я думаю, что при удачном раскладе подавать заявку на конкурс.

– На какой?

– Международный. Там разговорники не нужны. У каждой страны свой юмор, а вот пантомима, эксцентрика, могут пройти. Даже, если не первое место, то это шанс заявить о себе, а тогда легче реализовывать свои идеи.

– Это было бы здорово, тогда... – Семен замолчал.

– Что тогда? – спросил его Сан Саныч. – Что замолчал?

– Надо поднимать проволоку, чтобы я не мог достать руками арены.

– Возможно, но давай начни с малого, сдай номер, а там посмотрим.

– А как теперь репетировать?

– Подожди недельку, как будет ясность с гастроями, там все и разрешиться. Убирай матчы.

Семен со служащим убрали матчы и радостный, что Сан Саныч в принципе одобрил номер, а он был опытный клоун, а также в предвкушении встречи со Светланой, вышел из цирка. На улице даже солнце показалось ему ярче и веселее. Семен сначала шел без цели, просто в никуда, не торопясь, не строя никаких планов, не мечтал, а смотрел на город, лица людей. Он хорошо помнил фразу «Хочешь рассмешить Господа, расскажи ему о своих планах».

6

Он ждал ее, где они и условились. Его волнение было незнакомым для него, так как таким он себя не помнил, как будто первое свидание – подумал Семен. Его мысли, были сейчас направлены к ней. Он искал ее взглядом среди прохожих, пытаясь первым заметить ее, такой, какой она бывает, когда его не рядом.

Света появилась неожиданно, как и должно быть. Ничто не предвещало ее появления, ни оркестр, ни световые сигналы, ни его интуиция. Она шла легко, глядя по сторонам, не пытаясь искать его глазами, она знала, что он будет там, где должен быть и будет ее ждать.

– Ты выглядишь так, словно скучал по мне, – пошутила она, подходя, и не давая ему что-либо сказать, а уж тем более, вдруг вырвется глупая фраза, добавила. – Ответ не обязателен. Мне кажется, что в этом случае ответа может и не быть, и так ясно, но знаю точно, я не хочу тебе обидеть.

– Не обидела. Да я вообще редко обижаюсь, это мешает работе. Если выходишь на публику, то груз личного тащится за тобой и номер провалится. Это хорошо, если просто говоришь, а если акробатика? Тогда все.

– И ты еще и акробат?

– А как иначе? Во мне так много всего. И мысли всякие тоже посещают. Бывает так, что вдруг обнаружишь в своей голове что-то интересное и думаешь, откуда это взялось и что там делает.

– Так это хорошо.

– Это ужасно. С этим надо что-то делать, не выбрасывать же.

Они шли среди других людей, не особо замечая их. Спешить им было некуда, и они вели праздные разговоры. Семен ловил каждое ее слово, он как будто пил ключевую воду, после долгого испытания жаждой.

– В прошлый раз ты не был таким многословным, – заметила Света.

– Пытался казаться лучше, да и встреча была первая.

– А ты, значит, готовился к нашей встрече?

– Нет. Разве можно написать сценарий свидания? Все должно быть естественным, а при случае импровизировать, чтобы удивить.

– А сейчас не хочешь попробовать?

Семен не знал, что надо сделать, в голову ничего не приходило, но тут он увидел, что на краю тротуара открыт люк. Он подошел и посмотрел вниз. Люди, идущие мимо, с интересом поглядывали на этого парня, но не останавливались. И вдруг Семен громко сказал:

– Эй, мужик, ты, что там делаешь? Давай вылезай, вечер уже. Тебе помочь? Давай вылезай.

Прохожие стали останавливаться и сомкнувшись в кольцо заглядывать вниз. За первым рядом образовался второй, которому не было видно, что там такое случилось. Семен осторожно вышел из кольца и подошел к Светлане.

– И что там? – спросила она.

– Ты тоже купилась? Ничего, – ответил он. – Я показал, как можно увлечь народ. Вот тебе импровизация.

– Ты сумасшедший.

– Ты разве этого не почувствовала ранее?

– Да, – только и вздохнула Света. Согласие ее было легким и непринужденным. Она оценила его возможность и поняла, что он оригинален и интересен, хотя такие выходки импровизации были не в ее вкусе.

Закат уже зажигал небо своими неповторимыми красками, рисуя на небе узоры. Сиреневая дымка опускалась на город, и по ней теплый воздух гнал редкие облака, которые исчезали за крышами домов. День уступал место ночи и все вокруг скоро окунется в таинственный мрак. Стихнет шум города, и темноту будет разрезать свет рекламы и фонарей.

– Ты мне так и не сказала, чем занимаешься?

– Я врач. Будущий врач. В этом году заканчиваю институт.

– Хорошее знакомство у меня.

– Собираешься болеть?

– Всякое может быть. Ты мне обязательно скажешь, где будешь работать, чтобы меня только туда и направляли.

– Не боишься?

– Уже нет.

– Я подумаю.

В этот вечер Семен, проводив ее до дома, набрался смелости и поцеловал ее, а она не отстранилась...

Шли дни, они стали чаще видаться, не так часто, как хотелось бы Семену, но он и так был рад любой встрече. Он никогда не чувствовал себя таким счастливым, как с этой милой девушкой, о чем и сказал ей однажды.

– У счастья короткий век, – ответила она.

– Это зависит от того, кто его держит.

Примерно через неделю, Никитич отвел Семена в сторону и, помявшись, сообщил: – Мы собираемся на гастроли. Со мной поедет Стас.

– Я понимаю, – голос Семена звучал спокойно, что несколько удивило Никитича.

– Ты не обижайся, но он более предсказуем, чем ты.

– Я не обижаюсь, будут и у меня гастроли. Удачи.

Конечно, Семену было немного обидно. Хорошо если бы Никитич пригласил его, а он бы нашел причину, по которой не может поехать. Но это было желание, не более. Остальные вечера он отрабатывал, как и положено и ждал, когда уедут на гастроли, чтобы начать репетиции. Свете он сообщил, что цирк уезжает на гастроли, но не сказал, что он остается, хотел посмотреть на ее реакцию.

– Ты тоже уезжаешь? И как надолго? – голос ее звучал ровно, спокойно и в нем не было грусти, что его задело.

– Я остаюсь.

– Не берут?

– Не берут, – подтвердил он, – оставили за плохое поведение.

– Кто бы сомневался. И что будешь делать?

– С тобой встречаться. Ну, а если серьезно, то я сам не хотел ехать. Во-первых, мы можем видиться, а во-вторых, я буду репетировать номер.

– Ты готовишь номер? – заинтересовалась она.

– Тихо, – и Семен приложил палец к своим губам. – О будущем не говорят. Мы, артисты, народ суеверный.

Вскоре труппа уехала, а Семен отдался репетициям. Сан Саныч помогал, чем мог. Он не поехал на гастроли, сославшись на здоровье. На самом деле Семен догадывался, что он хочет помочь. Кто знает, вдруг это последняя работа, в которой он принимает деятельное участие. В этот период Семен и Света виделись реже. У нее экзамены, у него репетиции, а вот потом у нее наступили последние каникулы, перед началом работы. У Семена вечера были свободны, и они много времени проводили вместе. Это было самое лучшее время, которое они знали в своей жизни. В один из вечеров, Света пригласила его к себе домой. Войдя в квартиру, которая встретила их тишиной, Семен внимательно осмотрелся.

– Заходи, не бойся, – засмеялась она. – Мы одни.

– А где все?

– Если ты об Алле, то она на даче с друзьями, а родители тоже в отъезде и давно, скоро приедут.

– Значит, знакомства не будет, – облегченно вздохнул Семен.

– Не будет, хотя смотря, что ты понимаешь под знакомством, – и загадочная улыбка появилась у нее на лице.

Семен прошелся по большой четырехкомнатной квартире. Все блестело чистотой и порядком. Ни одной вещи не лежало на стульях или креслах. Светлые стены комнаты были частично закрыты гобеленами.

Они пили чай на кухне, а затем Света прошла в комнату, но садиться в кресло не стала, а дождавшись, когда он войдет за ней следом, повернулась к нему. Она молчала, но ее глаза говорили то, что не всегдаверишь словам. Семен подошел и обнял ее. Ее глаза, такие близкие излучали страсть и покорность. Они смотрели друг на друга, и каждый видел эмоции, страсть, что ждала их впереди, и волнение, от предвкушения, охватило их. Им хотелось испытать пьянящий вкус губ, почувствовать тело.

Он прижал ее к себе, и она даже не собиралась сопротивляться. Расстегнув молнию на платье, позволила ему упасть к ногам и стала помогать расстегивать его рубашку. Джинсы уже тоже оказались на полу. Касания полуобнаженных горячих тел было словно удар током. Прикосновения Семена были нежными и горячими, что приводило ее в возбуждение, и она подалась ему навстречу, еще сильнее прижавшись, руки обвились вокруг его шеи. Семен не торопился, он, как и она, хотел насладиться их близостью. Ее упругое тело манило, и она чувствовала, как ему трудно сдерживать себя от страсти, как и ей. Но они хотели упиваться друг другом.

Взяв его за руку, она увлекла его в спальню, и там, уже лежа, он целовал ее тело, словно угадывал желания. Момент, когда она готова была потерять голову, приближался, а он ласкал своими губами ее набухшие соски. Аромат страсти, желания кружил вокруг них, обволакивая словно кокон.

Нежность и тепло заполняли обоих изнутри, гася сознание. Сладкий грех вызвал дрожь желания. Безумство охватило их обоих. Они потеряли ощущение времени и реальности, которая была только что рядом, и исчезла. Шальная страсть командовала их телами, заставляя извиваться и гореть внутренним огнем, чтобы взрыв оргазма унес обоих в область, о которой никто не сможет рассказать, в ней можно только пребывать и в ней жило только наслаждение. Оба упали, наслаждаясь истомой и удивительной и приятной слабостью своих тел.

В доме было тихо, уютно и спальню освещал бледный свет восходящего солнца. Света спала, уткнувшись в плечо Семена, а он всю ночь не сводил с нее глаз. Стараясь не нарушить ее сон, он нежно поцеловал Свету, и, закрыв глаза, уткнулся в ее волосы. Он дорожил этими минутами, что они вместе, он вдыхал ароматный запах ее волос, касался нежной бархатистой кожи, и слышал, как бьется ее сердце.

Семен осторожно поднялся, надел рубашку, джинсы, и тихо вышел из комнаты. На кухне сварил кофе, и пил глядя за окно, на утреннее летнее небо, которое было таким же ясным и чистым, как его состояние. Он думал о Свете, о том, как будет все дальше и не допускал мысли, что они могут расстаться, но при всех радужных мечтах, он знал, что мир жесток и он еще не знает, какотреагируют ее родители на их знакомство. Для многих людей, его профессия была чем-то для балагана, да и при знакомстве она выразила удивление. Но сейчас они вместе, и он собирался сделать все, чтобы и дальше было также.

Семен не говорил ей, что его репетиции дают результат и вначале осени, он будет показывать номер комиссии. Первый свой номер, а это была та дверь, которая могла открыться для будущего. Потом он ей скажет, если будет результат.

Так он провел в мыслях не менее часа, когда услышал за спиной шорох, и, обернувшись, увидел стоящую в дверях Свету, закутанную в легкий халат, не срывающий стройности ног. Она весело улыбалась ему, он видел ее счастливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.